

ПОНЯТИЕ МОРАЛЬНОГО ДОЛГА: ВЫЗОВ АУШВИЦА

ОЛЬГА П. ЗУБЕЦ

Институт философии, Российская Академия наук

olgazubets@mail.ru

THE CONCEPT OF MORAL DUTY: THE CHALLENGE OF AUSCHWITZ

OLGA ZUBETS

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract

Moral philosophy is fundamentally challenged by the existence of Nazi ethics, which is based on the concept of moral duty, appeals to Kant's categorical imperative and proclaims "humane" killing as an imperative. In light of this, the understanding of morality based on these concepts is subjected to criticism.

Keywords: moral philosophy after Auschwitz, duty, categorical imperative of Kant, Nazi ethics, killing

Аушвиц допускает в отношении себя лишь две формы высказывания – молчание и крик, но то разрушение, которое он несет понятийному строю моральной философии заставляет ее обратиться к своим основаниям уже в качестве *философии после Аушвица*. Этико-философские определения морали носят принципиально формальный характер – это ставит современного морального философа перед теоретической и личной, трагически окрашенной трудностью – по наличию всех возможных форм, в которых осмысливается мораль (идеи долга, дихотомии добра и зла, образов добродетелей, справедливости и тд, императивности), нацистская мораль выступает именно как мораль, не является оксюмороном. Если быть точным, она такова не только по формальным критериям: в нацистской морали воспроизводится и разнообразное моральное содержание (идеи щедрости, мужества и др.). И, возможно, самое главное – нацистские лидеры не только оставались моральными субъектами, живущими в моральном мире, о чем говорит, например, А. Минье вслед за П. Хаасом, но и

преступления они совершали, опираясь на свою моральную идентичность (Об этом см.: Welzer, 2004).

Важно понять, какое огромное место занимает апелляция к морали в нацизме. Речь идёт об исключительности морали в этом идейно-ценностном пространстве, о провозглашении ее примата над правом – не о безусловном подчинении закону и приказу, но о вовлеченности в происходящее, о действии на основе морали. Гитлер, особенно после 1933 года, проводит идею «морального возрождения народа», настаивает на приоритете именно моральных тем и языка, на моральных ценностях. И Гиммлер „понимал свою задачу как узаконенную моралью, как если бы нацистская идеология в одиночку не была бы достаточна для такой легимитизации“ (Mineau, 2007: 59). Невозможно отделаться здесь оценкой происходившего как морализаторства, как чистой риторики и манипуляции: ведь остается вопрос, почему именно мораль?, что в ней оказалось столь востребованным, как она стала способом оправдания насилия в качестве контр-насилия? И если согласиться с утверждением, что „Холокост возникает из немецкого философского, принадлежащего Просвещению проекта Канта, в силу чего любой этический проект после Холокоста должен отвергнуть этот проект и двинуться далее, следуя иным путям“ (Kassim, 2009: 43–44), можно ли ограничиться отказом от этого проекта (в первую очередь, культа разума, универсализации и этики долга), или этого недостаточно?

Для новоевропейской этики понятие долга является одним из ключевых в определении морали, в первую очередь – благодаря теории Канта. Аушвиц ставит под сомнение все основные понятия, задающие идею морали, в том числе и понятие долга. Философия *после Аушвица* не может не задаться вопросом: что делать с тем, что понятие долга является ключевым для «нацистской морали», что апелляция к нему очевидна как в сфере публичных речей, так и в индивидуальной рефлексии нацистов, что задача уничтожения евреев формулируется в качестве морального императива борьбы со злом, ведения справедливой войны с врагом. Нацисты обращаются к категорическому императиву (в его первой формулировке) и к кантовской идее абсолютного долга, превалирующего над склонностями.

К проблеме Кант и нацизм (или уже – Кант и Аушвиц, Кант и нацистские преступники) обращаются такие значимые мыслители как Адорно, Хоркмайер, Арндт,

Лакан и Жижек. Важнейшим для проблемы долга является рассуждение Арендт в работе „Эйхман в Иерусалиме“, именно от него отталкиваются современные авторы, даже названия работ которых заставляют признать болезненность и остроту данной темы: это, например, „Кант Эйхмана“ (Laustsen, Ugilt, 2007) или „Этика долга Гиммлера“ (Mineau, 2007). Более того, проблема, обусловленная ролью понятия долга и идеала следования долгу в нацистской морали, является одной из ключевых в большинстве исследований, посвященных осмыслению нацистской морали (Nazi ethic – как обозначил ее Питер Хаас).

Вопрос, стоящий перед моральной философией, – это место и роль категорического императива в том, что определяется с помощью слова-пароля, слова-кода: Аушвиц. То, что нацисты апеллировали к идее и имени Канта в речах, в своих дневниках и показаниях на допросах и судах очевидно свидетельствует об особом ее значении. Ряд исследователей, в стремлении защитить категорический императив и идею долга, делают ставку на некоторую ошибку: нацистская мораль основана, по их мнению, на неверном понимании содержания долга, ошибочной интерпретации категорического императива, разделении его формулировок и т.д. Так, например, Э. Факенхейм говорит, что «кантовская этическая философия стала соучастником этого преступления посредством извращения категорического императива». Но он же ставит важнейший вопрос – „Как была возможна гитлеризация кантовского категорического императива?“ (Fackenheim, 1994: XI). Этот вопрос нуждается не в социально-идеологическом и историческом, но в морально-философском рассмотрении, то есть он становится вопросом: что в самой идее долга и в категорическом императиве позволило им стать соучастниками Аушвица, или выразимся сильнее – сделало нацистскую мораль возможной, действительно ли этика Канта не содержит абсолютной преграды для вменения долга „гуманного“ убийства?

Кант не проводит убийство через жернова категорического императива, подобного тому, что он делает с самоубийством, нарушением обещания, неблагодарием и другими проявлениями моральной жизни. (хотя у Канта есть важное замечание о том, что убийство другого есть самоубийство, которое не проходит проверку категорическим императивом). Более того, Кант оправдывает смертную казнь, основываясь на всё превосходящей ценности человеческого достоинства – именно это

понятие, наряду с долгом, является центральным в нацистской морали. В современной литературе обсуждают, действительно ли не-убийство у Канта относится не к совершенным, а к несовершенным обязанностям (См.: Kleingeld, 2019), то есть к убийству неприменим критерий, что такую „максиму нельзя без противоречий даже *мыслить* как всеобщий закон природы; еще в меньшей степени мы можем *хотеть*, чтобы она стала таковым“ (Кант 1965: 264). То есть максима убийства „не противоречит строгому или более узкому (непреложному) долгу“. Понимание не-убийства как несовершенной обязанности в кантовской этике придает вопросу об апеллирующей к ней нацистской морали еще большую остроту, заставляет усомниться в том, что речь идет лишь о фальсификации Канта, когда „гуманное“ убийство вменяется в качестве долга. Именно то, что убийство совершается в силу долга, как поступок вопреки личным желаниям и склонностям – именно в силу этого оно мыслится и совершается как моральный акт (Laustsen, Ugilt, 2007: 170), именно это позволяет выстроить в рамках нацистской морали идею «гуманного» убийства как императива. Это убийство по долгу в борьбе со злом, ни в коем случае не из личного интереса и склонности (это запрещено), а по способу осуществления щадящее по отношению и к жертве, и к самому убийце. Сам императив „гуманного убийства“ разворачивается в мотивацию, апеллирующую не только к борьбе со злом, но и к идее блага другого: от человечества до самой жертвы.

Гиммлер настойчиво апеллирует к морали, основанной на долге (его взгляды называют псевдо-кантианством), без которой невозможно победить в войне, защитить свой народ, своих детей и будущие поколения. Он говорит: „У нас есть моральное право, у нас есть долг перед нашим народом уничтожить этот народ, который хотел уничтожить нас“. „Непреклонность Гиммлера и то, как он настаивал на принципе долга, сделало бы негодным любое объяснение этого в понятиях риторических фигур, нацеленных на определенную аудиторию“ (Mineau, 2007: 63). Идея долга воспроизводится и на уровне тех нацистов, которые принимают конкретное решение об убийстве, апеллируют к долгу „гуманного“ убийства, то есть соотносят идею долга с традиционными моральными соображениями, выведя за скобки лишь убийство как данность. И для Гиммлера, Хесса и Эйхмана, «лично никого не убивших», и для тех нацистов, которые убивали собственными руками, мораль была важнейшим способом обеспечения идентичности, осмысленности действий, опоры на идеалы (об этом пишут С. Koonz, Н. Welzer, А.

Mineau и др.). Гиммлер, когда бы он ни сталкивался с исключительно травмирующими, экстремальными ситуациями, всегда находил опору именно в моральных понятиях (Mineau, 2007: 64). И даже следуя приказу или закону, наполняя формы морали нацистской идеологией, эти люди осознают себя в качестве законодателей и свободных моральных существ именно в силу следования моральному долгу, а не склонности или корыстному интересу. Как пишет Арендт, типичным для немцев убеждением, является, «что быть законопослушным – это значит не только поступать в согласии с законом, но и вести себя так, будто ты и есть тот законодатель, который разработал этот закон» (Арендт, 2008: 154), и будто ты один несешь ответственность за судьбу мира, воплощенного в народе:

И поступать ты должен так, как если бы
только от тебя и того, что ты делаешь,
зависела судьба всего немецкого
и ответственность лежала бы на тебе[1].

Все это свидетельствует, что мы имеем дело с классическим пониманием долга и морального долженствования, а его содержание задается Гиммлером через идеи самозащиты, необходимости противостоять злу, возмездия (конечно, идет в ход и аргумент возмездия за гибель детей и их защиты), спасения.

Когда мы обращаемся к высказываниям нацистов – речь идет о теоретическом прочтении текстов автора, согласие с которым видится совершенно невозможным. Это тот особый случай, когда даже если автор говорит нечто, что является чуть ли не общим местом в этике, или апеллирует к безусловному теоретическому авторитету, это невозможно принять – сам факт данного авторства заставляет подвергнуть сомнению то, что ранее казалось правильным или укорененным в этической традиции. Остается не закрывать глаза на совпадение, ужаснуться ему, поставить под вопрос собственные мысли и формулировки там, где они совпадают, например, с гиммлеровскими.

Когда безусловно критически настроенные исследователи нацистской морали видят в ней своего рода *гносеологическую* ошибку – например, неправильное понимание того, что есть зло (евреи в нацистской морали) или в чем состоит долг (у Гиммлера – в их убийстве), они как бы признают, что с точки зрения формальной структуры с нацистской моралью все нормально. Тогда получается, что главная задача морального

существа – правильно познать, определить зло и долг в конкретных обстоятельствах своей жизни. Сам долг (как и другие формы морали) остаются чистыми именно в качестве форм – то есть тогда мы признаем, что нацист в формальном смысле есть такой же человек, как и всякий другой, являющийся моральным существом. Он отличается лишь идейным наполнением моральных форм, но не самими этими формами. То есть мораль в данном случае определяется через специфику моральной нормы, долга, совести как некоторых механизмов, а не через содержание нормы или долга. В таком случае и запрет убийства и долг убийства одинаково могут принадлежать сфере морали в силу специфики предъявления требования. Аушвиц и явленность нацистской морали в нем ставят предел такому ходу мысли, заставляют теоретически осмыслить неприемлемость мышления о морали через ее формальные определения.

Как бы ни пытаться „спасти“ идею долга и категорический императив, (подобно тому, как теологи вынуждены спасать идею бога после Аушвица, ученые – основания своих наук, поэты – возможность писать стихи), приходится согласиться с утверждением авторов «Канта Эйхмана»: „Возможность эйхмановского извращения уже дана в первой формулировке категорического императива (сделать собственную максиму универсальным законом)... Моральный поступок должен пониматься не как выражение добра, но как чистый долг (‘ваш долг ... следовать своему долгу’ (Жижек))“ (Laustsen, Ugilt, 2007: 168). Впрочем, попытка противопоставить долгу ориентацию поступка на идею добра не менее ущербна в силу того, что так сформулированная в общем виде апелляция к добру и злу является столь же формальным определением, более того – такой же фундаментальной основой Аушвица и нацистской морали, как и понятие долга. И даже если перейти от морального долга как чистого долга (не говорящего «не убий») к категорическому императиву как способу задать содержание поступка, то и он не ведет к абсолютности запрета убийства.

„Я с чистой совестью и верой в сердце исполнял приказы и следовал долгу“ – говорит Эйхман (Ланг, 2007: 264). „Я принял за норму императив Канта, притом уже давно. Я строил мою жизнь в соответствии с этой нормой ...“ (Ланг, 2007: 263). А „когда рушился мир, в котором я жил ... не нервный шок, а мораль ... моральный шок кричал во мне ... ничего не вышло...“ (Ланг, 2007: 153) (то есть он не выполнил свой долг). На суде он очень точно воспроизвел первую формулировку категорического императива

Канта и утверждал, что отошел от него, когда началось окончательное решение еврейского вопроса, но в этом с ним не соглашается Ханна Арендт и ее анализ представляется наиболее ценным. „... Эйхман и в самом деле строго следовал принципам Канта: закон есть закон, и он не допускает никаких исключений“ – пишет она (Арендт, 2008: 154–155). „И если в цивилизованных странах закон исходит из допущения, что голос совести говорит всем и каждому „Не убий!“, пусть даже порой возникают ситуации, способствующие убийству, то в стране нацизма закон требовал, чтобы голос совести говорил всем и каждому „Убивай“, хотя организаторы массовых убийств превосходно знали, что убийство противоречит нормальным желаниям и склонностям большинства людей. Зло в Третьем рейхе утратило то свойство, которое позволяет большинству людей распознавать его – а именно свойство искушения. Многие немцы и многие нацисты – возможно, в подавляющем большинстве – не могли не испытывать искушение *не убивать, не грабить, не обрекать ближнего своего на смерть ... , не становиться сообщниками и соучастниками всех этих преступлений. Но – Бог свидетель – они научились успешно не поддаваться этим искушениям“* (Арендт, 2008: 167–168). «Никаких исключений» – в этом и состояло следование долгу вопреки своим «склонностям», будь они сопряжены с соображениями либо сентиментального, либо материального характера. Он всегда исполнял свой «долг»» (Арендт, 2008: 155). И когда и Гиммлер и другие из утилитарных соображений стали отступать от линии окончательного решения, Эйхман продолжал и настаивал: „Ведь печальная и достаточно тревожная истина заключается, вероятно, в том, что вовсе не фанатизм, а совесть заставила Эйхмана занять столь бескомпромиссную позицию на протяжении последнего военного года...“ (Арендт, 2008: 164).

Понятие долга является ключевым в нацистской морали, и суть этого как теоретического катаклизма в том, что в качестве долга в Аушвице вменяется убийство – убийство как борьба со злом, как справедливая война, как «гуманное» убийство, но именно убийство. Убийство совершается в силу долга, как поступок вопреки личным желаниям и склонностям – именно в силу этого оно мыслится и совершается как моральный акт (Laustsen, Ugilt, 2007: 170), именно это позволяет выстроить в рамках нацистской морали идею „гуманного“ убийства как императива. Конечно, история человечества не дает нам примеров обществ, в которых люди бы не убивали: во всех этих

обществах моральная идеология осуждает убийство, но ни в одном она не запрещает его в абсолютном смысле, более того – она сама в себе содержит способ его морального оправдания или выведения из собственного пространства. И вся история морального сознания и этической спецификации морали содержит в себе то, что ведет к возможности императива „гуманного“ убийства. Это – одноуровневость запрета убийства с другими запретами, лишение его исключительности, это – спецификация морального поступка и его оценки через понятие мотива, то есть допущение благой цели убийства, исключение из моральной оптики и этического рассмотрения убийства как данности, это – зараженность морали правом, дифференцирующим убийства и степень участия в них, то есть и ответственности человека за поступок, как результат это – разделение морального субъекта и его поступка и включение моральной идеологии как опосредующего звена между ними. Это – понимание запрета на убийство именно как запрета, заповеди, то есть того, в отношении чего человек может и должен принимать собственное решение, которое, не будучи абсолютно заданным, становится ситуативным и вторичным. И венчают этот роковой перечень формальное задание морали через идею долга, через абсолютность категорического императива как закона и возведение универсализации в высший принцип придания долгу содержания.

Аушвиц принуждает философа в качестве морального (поступающего) существа осознать две взаимосвязанные вещи: он не может опереться на мораль в *ее формальном виде* (то есть на то, что он определяет как долг, совесть, добро и зло, добродетель) и он не может сделать *ее содержание* делом своего свободного выбора, своего разума, и тем более делом своего общества и его идеологии: вопрос об убийстве, его обстоятельствах, мотивах, „гуманности“ более не может быть предметом рационального выбора и обсуждения, быть опосредованным каким-бы то ни было продуктом человеческой культуры. В отношении проблемы долга это означает, что само долженствование возможно лишь как вторичное, основанное на том, что человек дан в поступке не-убийства, не в заповеди или запрете, а в поступке, не опосредованном моральными идеями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это стихотворение Факенгейм ошибочно приписывает Фихте, доверившись К. Хуберу, на самом деле оно написано А. Маттеи. Но это не меняет смысла его оценки: „хотя слова принадлежат Фихте, чувства безусловно кантовские“ (Fackenheim, 1994: 267–268).

ЛИТЕРАТУРА

Арендт Х. (2008). *Эйхман в Иерусалиме. История обывденных злодеяний*. Иерусалим-Москва, ДДАТ/Знание.

Кант И. (1965). Основы метафизики нравов – В: *Соч. в 4-х тт.* Т. 4, ч. 1. Москва, „Мысль“, 219–310.

Ланг Й. (2007) *Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле*. Москва: Текст Лехаим.

Fackenheim E. (1994). *To Mend the World*. Bloomington: Indiana University Press.

Kassim H. (2009). Cutting the Roots of the Holocaust: Resisting the Enlightenment’s Universalizing Impulse – In: *The Double Binds of Ethics after the Holocaust*. N. Y.: Palgrave Macmillan, pp. 43–54.

Kleingeld P. (2019). A Contradiction of the Right Kind: Convenience Killing and Kant’s Formula of Universal Law – In: *The Philosophical Quarterly*, (Vol. 69, Issue 274), pp.64–81.

Laustsen C. B., Ugilt R. (2007). Eichmann’s Kant // *The Journal of Speculative Philosophy*, New Series, (Vol. 21, No. 3), pp.166–180.

Mineau A. (2007). Himmler’s Ethics of Duty: A Moral Approach to the Holocaust and to Germany’s Impending Defeat). – In: *The European Legacy*, (Vol. 12, No. 1), pp. 55–73.

Welzer H. (2004). Mass murder and moral code: some thoughts on an easily misunderstood subject. – In: *History of the human sciences*, (Vol. 17, No. 2/3), pp. 5–32.